

показательны надписи КБН, 1134, 1135 и ряд других, как давно известных, так и открытых в последнее время<sup>23</sup>. Таким образом, подтверждается датировка обеих частей предшествующими пздателями, относившими их ко времени правления Савромата II. В других городах Боспора это письмо не имело сколько-нибудь широкого применения. Можно отметить отдельные элементы такого шрифта в приводимой в очерке А. И. Болтуновой и Т. Н. Книпович надписи 140 г. н. э. из Пантикапея<sup>24</sup>.

Возникает вопрос о происхождении надписи. С одной стороны, полное совпадение шрифта этого документа и целого ряда горгиппийских надписей является серьезным доводом в пользу горгиппийского происхождения памятника. Кроме того, в нашем тексте упомянуты фигурирующие в надписях Горгиппии сыновья Нумения Эрот, Атта и Фарнакион, возможно, братья. К этому можно добавить такой факт, как упоминание должности фронтиста, появляющейся только в надписях горгиппийских фиа-сов. С другой стороны, левая часть плиты найдена во время археологических раскопок на горе Митридат в Керчи и это — единственное документальное свидетельство о местонахождении надписи в древности. Вероятно, она была изготовлена в Горгиппии и затем каким-то образом попала в Пантикапей. Что касается трех обломков правой части надписи, то они, по-видимому, были отбиты рабочими во время раскопок и проданы, а впоследствии по странной случайности оказались в Анапе, на месте древней Горгиппии. Возможен и другой вариант: плита была разбита в Горгиппии, а ее левый фрагмент еще в древности каким-то образом попал в Пантикапей. Твердо установленным можно считать одно: все четыре обломка относятся к одному эпиграфическому памятнику, вероятно, горгиппийского происхождения.

Ю. П. Калашник

INSCRIPTIONS No 77  
AND 1136 OF THE BOSPORAN CORPUS (CIRB)

by Yu. P. Kalashnik

Collation of the inscription on a marble block found in Kerch (CIRB 77) with other fragments of Bosporan inscriptions in the Hermitage showed that the three joining fragments which were bought in Anapi in 1908 (CIRB 1136) are parts of the Kerch inscription. When the Anapi fragments were set beside the Kerch fragment restorations made by earlier editors of the first six lines were seen to be correct and a more accurate restoration of some names appeared possible. The construction of line 2, which was considered impossible to read because of damage to the stone, seems to be similar in type to the title-phrase of a *thiasos* inscription from Hermonassa: Ἀγαθὴ τὴν Θεῶν Ἀφροδείτης σύννομος περὶ κτλ. (CIRB 1055). The letter-forms, the mention of the office of *φροντιστής*, and also of the Bosporan king Sauromatus II and of names known from Gorgippian inscriptions, define this monument as belonging to the Gorgippian inscriptions set up by religious associations at the end of the second and beginning of the third centuries A. D.

<sup>23</sup> Кругликова, ук. соч., 1, 3, 4, 5, 8, 9.

<sup>24</sup> Болтунова, Книпович, ук. соч., стр. 25, рис. 12 (КБН, 711).

# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

LUIGIA ACHILLEA STELLA, *La civiltà micenea nei documenti contemporanei*, Roma, Edizioni dell'Ateneo, 1965, XX+311 стр., 112 илл.

В последние годы Италианским центром микенских исследований издан ряд интересных работ по истории, языку и культуре Греции II тыс., объединенных в серии *Inscunabula graeca*<sup>1</sup>. Восьмым томом этой серии вышла монография о микенской цивилизации, принадлежащая перу Луиджии Стеллы, автора ряда историко-филологических исследований<sup>2</sup>.

Рецензируемая работа носит обобщающий характер — в ней сведены воедино и подытожены результаты работы большого отряда ученых над крито-микенскими надписями, достигнутые в первое десятилетие, прошедшее со времени дешифровки М. Вентрисом линейного письма В<sup>3</sup>.

Под понятием «цивилизация» автором подразумеваются все те духовные и материальные ценности, которые были созданы греческим обществом в эпоху позднего бронзового века: здесь же рассматриваются вопросы внутренней и внешней истории, социального устройства, экономического уклада, религии, — словом, вся та грандиозная мозаика жизни микенской Греции, столь ярко и выпукло вырисовывающаяся в свете новых дешифрованных источников.

Имея в виду тот факт, что микенология как наука пока еще переживает период

становления, автор, без сомнения, правильно придерживается принципа максимального позитивизма в использовании материала, предоставляемого надписями, выбирая в качестве отправного пункта только те тексты, интерпретация которых общепризнана и не вызывает сомнений. Впрочем, иногда автор привлекает также тексты, «интерпретация которых обоснована и убедительна» иной раз лишь в его глазах. Однако это и понятно: наука еще так молода, что бесспорного в ней немного.

В первой главе «Исторические проблемы» Л. Стелла останавливается прежде всего на вопросах датировки табличек, особенно кноссских. Согласно общепринятой точке зрения, тексты из Пилоса относятся ко времени около 1200 г., кноссские — не позже конца XIV в.; (надписи, происходящие с акрополя Микен, относятся к М III В периоду, т. е. 1340—1210 по А. Уэйсу). Надписи из Аргolidy, Аттики и Беотии все по времени укладываются в XIII век, кроме серии надписей из Фив, восходящих к началу М IIIa периода (1400—1340). По поводу датировки кноссских табличек единого мнения нет. Подробно останавливаясь на поздней дате кноссских табличек, предложенной Л. Палмером и расходящейся с общепринятой датировкой А. Эванса (около 1400), автор приводит ряд соображений в пользу традиционной даты. Во-первых, расцвет керамики так называемого «дворцового стиля» в Кноссе относится ко времени не позже середины XV в. и в то же время ни одного образца ее уже нет среди ваз, находимых сотнями в Эль-Амарне, столице Эхнатона (1377—1372), декоративные мотивы которых целиком принадлежат уже новому микенскому стилю. На основании этого египетского синхронизма пожар в Кноссе, а следовательно, и таблички, могут быть датированы первыми десятилетиями XIV в., не ранее 1400 г. и не позже 1370. Во-вторых,

<sup>1</sup> C. Gallavotti, A. Sassoni, *Inscriptiones Pyliae*, 1961; L. Deroy, *Initiation à l'épigraphie mycénienne*, 1962; A. Morpurgo, *Mycenaeae graecitatis Lexicon*, 1963; F. Bianscorige, *La civiltà micenea nell'Italia meridionale*, 1963 и др.

<sup>2</sup> *Echi di civiltà preistoriche nei poemi di Omero*, Milano, 1927. *Italia antica sul mare*, Milano, 1930. *Il poema d'Ulisse*, Firenze, 1955. *Mitologia greca*, Torino, 1956. *Per la cronologia dei testi di Cnosso*, Trieste, 1960.

<sup>3</sup> Ср. посвященный этой дате доклад Ж.-П. Оливье в «Revue de l'Université de Bruxelles», 1—2, 1962—1963, стр. 36—60.

грандиозная картина экономической активности дворцового хозяйства, вырисовывающаяся из текстов, плохо согласуется со скромным зданием, возникшим на месте «дворца Миноса» в период, к которому Л. Палмер относит весь кносский архив. В-третьих, изображенные на табличке KN K872 идеограммы — кубок типа «Вафио» и ритоны в виде протоны быка — после пожара в Кноссе уже выходят из употребления.

В этой главе рассматриваются также вопросы географической номенклатуры Крита и Греции по данным надписей, прослеживаются взаимоотношения Микенской Греции со странами Восточного Средиземноморья, причем особое внимание уделено связям с Египтом, что во многом помогает уточнению хронологии Греции и Крита эпохи поздней бронзы.

Крито-микенские записи не проливают свет на загадочные причины гибели кносского «дворца Миноса». Вместе с тем, встречающиеся в них названия островов Додеканеза и Родоса укрепляют мысль о начавшейся еще в XV в. талассократии микенцев и их экспансии в Малую Азию. Вопрос о проникновении микенцев в северо-восточные области Средиземноморья непосредственно связан с локализацией Аххийявы, могущественного царства, владыка которого называл себя братом хеттского царя. На наш взгляд, Л. Стелла глубоко права, безоговорочно заявляя, несмотря на продолжающуюся уже десятилетия дискуссию, что идентификация Ahhijawā хеттских источников со страной ахейцев не вызывает сомнений<sup>4</sup>. Вместе с тем, поддержанное ею довольно правдоподобное отождествление Аххийявы с ахейским царством со столицей в Микенах остается пока проблематичным, несмотря на ссылки на кносскую табличку, в которой, по мнению М. Вентриса, говорится об отправке морем из Кносса в Ахайю скота, и на традиционную преемственность гомеровского выражения «ахейская земля», под которой и в микенское время и позже подразумевался Пелопоннес, особенно Аргонида<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> С критикой такой идентификации выступали в 30—50 гг. Ф. Зоммер, А. Гетце и особенно И. Фридрих; литературу см. O. G u n n e y, *The Hittites*, L., 1952, стр. 226—227; В. Б о р у х о в и ч, Ахейцы в Малой Азии, ВДИ, 1964, № 3, стр. 91 сл. Отождествление хет. Ahhijawā с греч. Ἀχαιΐς наталкивается на фонетические препятствия: если хет. hh закономерно соответствует греч. χ (см. В. В. И в а н о в, Хеттский язык, М., 1963, стр. 87—89), то последующие элементы греческой и хеттской форм не укладываются в традиционные соответствия.

<sup>5</sup> KN C 914: akawijade paro paratijo ovis 50 sarpa 100. Текст таблички до конца не ясен: Л. Палмер, например,

Если же толкование М. Вентриса правильно, то из предложенных до сих пор локализаций можно исключить Родос и Кипр, известные в крито-микенских надписях и под другими, историческими названиями<sup>6</sup>. Памфилию и Киликию, на наш взгляд, следует исключить на основании указаний хеттских источников, согласно которым между хеттским государством и Аххийявой находится страна Лукка, расположенная как известно, на юго-западе Малой Азии. Таким образом, Аххийяву следует искать в западном или юго-западном направлении; следовательно, этой могущественной страной, упоминаемой в договоре Тудхалиясы рядом с Египтом, Вавилоном и Ассирией, могли быть только критское или микенское государство. Войдя в сферу ахейского влияния в XIV—XIII вв., Крит отнюдь не стал задворками микенской монархии. Если надпись KN C914 и свидетельствует о сношениях Кносса с Микенами, то характер их взаимоотношений как признает сама Л. Стелла, все же неясен: отправленные по морю животные могли быть и частью налога, и даром, и торговым обменом. Таким образом, идентификация Аххийявы с Микенским государством весьма вероятна, хотя столь же вероятно и отождествление Аххийявы с Критом, несмотря на то, что влияние его в истории Восточного Средиземноморья со второй половины XIV в. постепенно клонится к упадку. Гегемония, по-видимому, окончательно, переходит к микенцам, поскольку надписи подтверждают высокую дату начала понийской колонизации Малой Азии: в пиловских текстах упоминаются дары из Милета и Книда (milatai, knidiai).

В пиловских и ряде других надписей мы находим также подтверждение некоторым из предложенных Э. Форрером идентификаций имен, встречающихся в хеттских текстах, с именами героев греческой легендарной истории<sup>7</sup>. Из приве-

видит в Akawija(de) имя пастуха, а вовсе не позднюю форму названия страны от Ἀγαιΐα (L. Palmer, *The Interpretation of Mycenaean Greek Texts*, Oxf., 1963, стр. 65, 184). Его интерпретация представляется более убедительной, нежели принимаемое Л. Стеллой толкование М. Вентриса, так как существует серия подобных табличек, в которых указывается имя пастуха и количество скота.

<sup>6</sup> Wodijo : Родос, wodijeja (этникон); kupirijo : Кипр, другое, восточное название острова — arasijo: Аласия (хет. Alasya).

<sup>7</sup> E. O. Forrer, *Vorhomerische Griechen in den Keilschrifttexten von Boghazköi*, «Mitt. d. deutsch. Orient. Gesellsch.», 1924, стр. 1 сл.; он же, *Die Griechen in den Boghazköi-Texten*, *Orient. Zeitung*, 1924, стр. 113 сл.

денных Л. Стеллой идентификаций упомянем лишь три, наиболее достоверные. Отождествление имени Tawakalawas с Этеоклом (гомер. Ἐτεοκλῆς) поддерживается засвидетельствованным в одной надписи патронимиконом в архаической форме, близкой к хеттской: Etewokles (etewokereweijo: из Etewokleves). Правильность идентификации имени Ἀλέξανδρος подтверждается ожившим в одной табличке из Микен женским именем Ἀλέξανδρα (Arekasadara). Эти имена, зафиксированные в синхронных хеттских и микенских источниках, показывают, что известные нам до сих пор хеттские формы являются транскрипцией современных им греческих имен. И еще одно сопоставление Э. Форрера — Lukka с Λυκία — находит подтверждение: в одной из табличек XIII в. упоминается некий ликийский кузнец — rukijo: Λύκιος; таким образом, Лукка письма Tawakalawas (Этеокла) хеттскому царю тождественны гомеровским ликийцам; их же этникон в форме Luqqa засвидетельствован в эль-амарнской переписке.

Во второй главе «Политическая жизнь» Л. Стелла анализирует вырисовывающуюся из данных линейного письма В структуру микенского общества. Верховный владыка государства именовался wanaka: ῥάναξ; его власть считалась божественной. Второй по значению ранг в государстве занимали военачальники-лавагеты, особое положение которых подчеркивается тем, что они имели свои дворцы, отдельные от царского. Столь высокое положение этих «предводителей народа (войска)» свидетельствует о военно-демократическом характере крито-микенских государств. Занимающие следующую ступень в государстве басилевсы были владыками небольших местностей. Следует отметить, однако, что сейчас по вопросу о значении термина «басилевс» в микенскую эпоху единого мнения нет. Л. Палмер, основываясь на данных ряда надписей, в которых упоминаются ra₂sireu, показал, что басилевсы выполняли «хозяйственные» функции — они были надсмотрщиками над группами кузнецов; следовательно, ra₂sirewija — не удельные владения, а хозяйства, занятые металлообработкой<sup>8</sup>.

В главе «Оружие и война» показана большая роль военного дела в микенской Греции. По мнению Л. Стеллы, войны, которые вели микенцы, не были разбойничьими набегами, это были набеги — продуманные операции регулярного войска. Надписи дают хорошо иллюстрируемое археологическим материалом представление об арсенале микенского войска, в частности, пилосского: в табличках упоминаются колесницы и упряжь, панцири

и щиты, мечи и копья, дротики, стрелы и т. д. Оружие микенцев осталось в памяти потомков как оружие героев; многие названия отдельных видов оружия остались в употреблении и в последующие времена<sup>9</sup>.

В главе «Дворец» автор на большом материале показала исключительную развитость строительной и хозяйственной терминологии микенцев. Названия конструктивных и декоративных элементов дома, строительных материалов, мебели, керамики, одежды и ее цветов — почти весь обиходный словарь микенцев перекочевал в гомеровскую и классическую Грецию.

В главе «Город» прослеживаются возникновение и развитие городской жизни в Эгиде. Автор пишет, что хотя греки-номады, придя на юг Балканского полуострова, и разрушили городские центры, созданные доэллиническим населением страны, развитие ремесла и торговли у них очень скоро вызвало оживленное строительство городов. Как показывают тексты, дифференциация производства достигла у микенцев значительной степени. В городе жили свободные ремесленники самых различных специальностей, образовывавшие вместе со жрецами и чиновниками чуждый войску и знати демос (damos). По мнению Л. Стеллы, тот факт, что содержащиеся в табличках имена кузнецов почти полностью греческие, свидетельствует о том, что дошедшие до нас шедевры ремесла, которые археологи называют микенскими, сделаны руками греков<sup>10</sup>.

Интересный материал содержится также в главе «Деревня», в которой изложены весьма существенные сведения табличек об агрикультуре микенской Греции, значительно дополняющие скудные археологические данные. Определенный свет проливают тексты и на проблему этнического состава сельского населения страны. Теперь можно с очевидностью утверждать, что и в сельских местностях, а не только в городах, жили греки: упоминаемые в надписях прозвища быков — Aiwoles, Kelainos, Podagros, Woinops, Stomargos — ясно показывают, что давать животным такие прозвища могли только

<sup>9</sup> Интересно отметить, что память об оружии героических времен держалась в Греции настолько долго, что и во II—III в. н. э., как это видно по серебряному кувшину из Эрмитажа, мастер мог снабдить амазонок довольно точно изображенными двойными топорами и характерными микенскими восьмеркообразными щитами, см. L. Matzulewitsch, Bysantinische Antike, B.—Lpz, 1929, табл. 37 сл.

<sup>10</sup> Следует отметить, вместе с тем, что в пилосских надписях Jn 415, 11; Cn 149, 7; An 128, 3 упоминаются кузнецы из Ликии, с Крита и Кипра.

<sup>8</sup> L. Palmer, Interpretation..., стр. 227—228. Его поддержал также С. Кальдероне, см. ВДИ, 1967, № 2, стр. 313.

греки<sup>11</sup>. Надписи раскрывают значительную роль скотоводства в хозяйстве микенского владыки. Из домашнего скота известны: козы (aiges : αἴγες), быки (qoo: βοῦς, лагон. βῶς), бараны, овцы и т. д. В сельских хозяйствах (akogo : ἀγροί) возделывались пшеница (sito : σῖτος), из которой выпекали хлеб (artos : ἄρτος), и ячмень (kirita : κριθάρι), из которого приготавливали ячменную муку (apite : ἀλίττα) и тесто (masa : μάζα). Микенцы принесли в Грецию, по мнению автора, и колесный плуг, изображение которого представлено на рисунке идеограммы надписи из Тилиссоса. Как и в классическое время, широко культивировалась маслина (egawa: ἐλαία), из плодов которой (каро egawa: καρπὸς ἐλαίας) приготавливалось оливковое масло (egawo, egajo : ἔλαιον). В текстах встречаются также названия вики, гороха, бобов, лука и других культурных растений. Из цветов, выращивавшихся для парфюмерии, известны анис, прис, шафран, фиалки, розы. Из деревьев известны смоковница, груша, яблоня, рожковое дерево. Не последнее место в хозяйстве занимали охота и пчеловодство; ткани делались из обильно высеваемого льна (gino: λίνον). Значительно было развито виноградарство; в надписях встречаются названия виноградной лозы (wonasi, dat. от oivn) и широко потреблявшегося вина (wono: φοῖνος). Последний термин восходит к общиндоевропейскому, заимствованному семитическое название вина, широко распространенного среди народов Средиземноморья и древней Передней Азии (ср. угарит. ун, аккад. iṇu, евр. уауин, араб. wain). Отметим, что в прямой связи с общесемитической основой wain стоят как общиндоевропейская (u(o)ino-), так и общекартвельская (ywinio) основы. Если картвельские народы заимствовали этот термин не прямо у семитов, а очевидно, через армянскую среду<sup>12</sup>, то индоевропейцы заимствовали его непосредственно у семитов<sup>13</sup>. Таким образом, культура вина

<sup>11</sup> Очень интересно предположение С. Левина о том, что в текстах линейного письма В зафиксирован жаргонный язык, представляющий собой смесь нескольких лингвистических слоев, см. S. Levin, *Greek and Non-Greek Inflexions in Linear B*, «Mycenaean Studies», 1964, стр. 155—156. На юге Балканского полуострова определены пока следы следующих лингвистических слоев: неиндоевропейского «средиземноморского», индоевропейского анатолийского, индоевропейского «пеласгического» (Л. А. Гиндин, *Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова*, М., 1967, стр. 170).

<sup>12</sup> Г. А. Климов, *Этимологический словарь картвельских языков*, М., 1964, стр. 203.

<sup>13</sup> В. М. Иллич-Свитыч, *Древнейшие индоевропейско-семитские языко-*

распространялась в Средиземноморье вместе с термином с Востока.

Из семитического мира пришли к грекам также термины, связанные с металлургией. Тот примечательный факт, что у греков все названия металлов либо заимствованы, либо носят «топонимический» характер, не связанный с греческим ареалом, красноречиво свидетельствует, на наш взгляд, о том, что греки познакомились с искусством обработки металлов только с приходом на юг Балканского полуострова. Л. Стелла отмечает, что вместе с металлургической технологией с Востока в Грецию пришли такие термины, как χρυσός, сопоставляемый с аккад. ḫurāšum, ассир. ḫurāšu, финик. ḥārūz, также обозначающими «золото». Однако, как нам представляется, через связь картвельской основы \*okko «золото» с греч. ὄχρος «желтый, бледный»<sup>14</sup> и χρυσός намечается еще один путь контактов греков, на этот раз — с припонтийским металлургическим очагом. Обе лингвистически намечаемые дороги ведут нас к двум источникам поступления золота в микенскую Грецию. Отсюда, может быть, станет понятной определенная общность изделий из драгоценных металлов, происходящих, например, из триалетских курганов и микенского погребального круга A<sup>15</sup>. В такой ситуации легенды о походе аргонавтов за золотым руном в Колхиду должны рассматриваться как отголосок происходивших некогда походов микенцев в богатые различными металлами припонтийские области Кавказа и Северо-Восточной Малой Азии.

Как пишет далее Л. Стелла, крито-микенские надписи, поддерживаемые данными археологии, показывают, что греки имели интенсивные связи со странами Ближнего Востока, — они упоминают Сирию, Тир, Самарию, Египет (Aikupitijo; известно грекам и его другое — семитическое — название — Mysaraajo, совр. араб. Миср). Сюда вел важнейший из трех торговых путей, освоенных микенцами: через Киклады, Крит, Спорады и Родос — в Ликию, Памфилию, Киликию, Сирию, Месопотамию, Финикию, Египет. Второй путь пролегал в Карию, Кид и Милет. Третья дорога вела на север; по надписям прослеживаются пункты следования этого торгового пути: Хиос (Kieus), Лесбос (Muto-nas: Митилена), Имброс (Imbrios), Лем-

вые контакты, «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964, стр. 5.

<sup>14</sup> Груз. okko-, мегрельск. okko-, чанск. okko, сван. (w)okw-; — Климов, *Этимологический словарь*,..., стр. 151.

<sup>15</sup> Б. А. Куфтин, *Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, табл. 88—105. Микенские вещи издавались много раз, см., например, Sp. Marinatos, Kreta und das mykenische Hellas, Münch., 1959.*

нос (Lamnios), Лампсак (Lampsakos), Фракция (Trakewija). Таким образом, эта дорога вела в Понт, на его южные берега. В связи с этим отметим тот характерный факт, что цикл греческих мифов об аргонавтах связан не с хорошо известным путем в страны Леванта, а с малоизвестной дорогой в Понт (на южных берегах которого находки микенских вещей пока скудны). Аналогичная картина наблюдается и с циклом легенд о странствиях Геракла по землям Запада, правда, более известным микенцам: по зафиксированным в надписях топонимам можно проследить торговый путь в Италию и Сицилию, хорошо засвидетельствованный археологическим материалом: Закинф (Zakunthioi), Левкада (Levkatas, может быть, Итака), Коркира (Korkutaioi)<sup>16</sup>.

В последней главе «Религиозный и этический мир» Л. Стелла красной нитью проводит мысль о преемственности духовного мира микенцев и античных греков. На основе микенских элементов, как показывают надписи, зиждился пантеон и культовые обряды позднейших греков. Лишь некоторые из религиозных терминов, такие, как *wanax*, *wanassa*, *potnia*, да имена некоторых божеств (*ipemeđeja*, *dođeia*, *manasa*) исчезли вместе с микенским миром.

В текстах засвидетельствованы почти все олимпийцы (ср. этникон *uturijaio: utupriaioi* — жители Олимпии) во главе с Зевсом (*diwe*), древним индоевропейским божеством Крита. В одной надписи засвидетельствован существовавший уже в те времена культ Зевса Диктейского (*dikatajo diwe*), наличие которого у критян предполагалось и ранее на основании давно найденной геммы с изображением Зевса-ребенка и козы Амалфеи, кормившей его своим молоком в Диктейской пещере. Древней минойской богиней была также Афина (*atana*), бывшая покровительницей конного дела (*potinija iqeja*), ткачества (*potinija upojo*) и, возможно, владычицей лабиринта (*potinija darpuritojo*). На Крите и в Мессении вместе с Зевсом почиталась Гера; из пилосских надписей известен также культ Артемиды. Одной из значительных богинь пилосского пантеона была Дивия (*diuja*, *diwija*), почти забытая греками I тыс.; заметим, что она почиталась не только в Сикионе, как пишет Л. Стелла, но и в Памфилии. Засвидетельствован текстами и культ Ареса Эниалия (*epuwarijo*); упоминается под своим эпитетом Пэан Аполлон; в Пилосе почитался также Гермес (*emaas*); дважды встречено в тек-

стах имя Диониса (*diwonusojo* — род. пад.)<sup>17</sup>.

В одном кносском тексте упоминается Гефестейон (*araitijo*) — святилище или храм Гефеста. По мнению Л. Стеллы, у греков, скотоводов и земледельцев, до прихода на берега Средиземноморья Гефест, очевидно, был только богом огня. В эпоху металла его значение настолько выросло, что эта курьезная фигура бога-ремесленника появилась на Олимпе.

Весьма сложен вопрос о происхождении культа Посейдона (*posedao*) у греков. Л. Стелла вслед за Ф. Шахермайером считает его древним божеством земли, пришедшим вместе с греками на средиземноморские берега; когда греки стали морским народом, колебатель земли (*enesidaone*; *ἐνευσίδαων*, эквивалент эпитета Энносигей) стал богом моря, колебателем волн. Однако, на наш взгляд, Посейдон изначально был божеством водной стихии, о чем свидетельствует возможная этимология его имени, ведущая в ... Причерноморье. Название божества, как это часто бывает у греков, состоит из двух основ. Первый элемент *pos* в микенском имел значение «владыка» (*posi* < *poti*<sup>18</sup>, восходящий к и.е. *potis* «владыка»<sup>19</sup>, ср. микен. *potinija* «владычица»). Второй элемент — широко распространенная в гидронимике Причерноморья индоевропейская основа *danu-*, обозначающая воду, как правило большую, и до сих пор сохранившаяся в осетинском<sup>20</sup>. Таким образом, Посейдон первоначально был «владыкой» воды, сначала речной, а затем, с приходом греков в Средиземноморье, морской.

Заканчивая обзор книги Л. Стеллы, следует отметить, что одни лишь упомянутые вопросы показывают, какой сложный и

<sup>17</sup> О Дионисе см. J. P u h v e l, *Elevther and Oinoatis: Dionisiac Data from Mysenean Greece*, «Myc. Studies», 1964, стр. 161—162.

<sup>18</sup> Si в микенском — из *ti*.

<sup>19</sup> E. B o i s a c q, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*, P., 1923, s. v.

<sup>20</sup> Дон «река», см. Э. Б е н в е н и с т, *Очерки по осетинскому языку*, М., 1965, стр. 129. От этой основы образованы названия рек: Дон, Дунай, Днепр, Днестр и т. д. Появление основы, зафиксированной лишь в иранских языках (авестийском и осетинском), в имени греческого божества было бы странным, если бы она пережиточно не сохранилась в самоназвании греков *Δαῖτες* («Люди моря»). По-видимому, термин «народы моря» египетских источников является калькой самоназвания греков). Такого же мнения о значении имени Посейдон придерживается и А. Карнуа с той лишь разницей, что он видит в нем эмфатический оборот «о, владыка вод!» (A. C a r n o u, *Dictionnaire étymologique de la mythologie gréco-romaine*, Louvain, 1957, стр. 170).

<sup>16</sup> Имеются также спорные пока отождествления следующих этникон и топонимов Запада: *mesaro* — Мессания, *witurijo* — Италия, *aitaro* — Этала, название острова Эльба, *sikiro* — сикел.

громадный материал обобщен и проанализирован исследовательницей. Ее работа является прекрасным пособием для знакомства с микенским миром, засвидетельствованным в текстах линейара В. Нельзя не упомянуть также великолепные, со вкусом подобранные иллюстрации, как бы составляющие особую главу о материальной культуре и искусстве

микенских греков. Нам остается в заключение лишь присоединиться к той высокой оценке работы Л. Стеллы, которую дал ей Дж. Чадвик<sup>21</sup> и ряд других рецензентов.

В. П. Яйленко

<sup>21</sup> JHS, LXXXVI, 1966, стр. 214—215.

#### ФИНИКИЯНЕ В АМЕРИКЕ?

L. DELECAT, *Phönizier in Amerika. Die Echtheit der 1873 bekanntgewordenen kanaanäischen (altsidonischen) Inschrift aus Paraiba in Brasilien nachgewiesen* («Bonner Biblische Beiträge», 32), Bonn, Peter Hanstein Verlag GmbH, 1969, 58 стр.

Вопрос о том, были ли возможны в древности (по крайней мере, в I тыс. до н. э.) и если да, претворялись ли в жизнь торговые и культурные связи между странами Средиземноморского бассейна и Америкой, представляет значительный интерес. Если бы на него был дан положительный ответ, пришлось бы не только существенно изменить наши представления о масштабах и характере древнего судоходства, увидеть тот его размах, который ускользал от взора самих древних наблюдателей, но и решить (так, по крайней мере, считают сторонники его положительного решения, многие загадки древнеамериканской цивилизации).

Совсем недавно мы были свидетелями того, как Тур Хейердал пытался экспериментально доказать возможность таких контактов — вместе с группой сотрудников пересек на папирусной лодке Атлантический океан. Он утверждает, что, согласно его расчетам, это плавание подтвердило возможность подобной экспедиции в древности. Отдавая должное мужеству отважного мореплавателя и его сотрудников, в его выводах позволительно усомниться. Ошибочным кажется даже выбор судна. Древние, и в частности египтяне, уже в глубокой древности знали прочные корабли, специально предназначавшиеся для дальних плаваний («таршинские», как они именуются в Библии): вероятнее всего, именно такими судами, а не папирусными лодками, несмотря на всю их сравнительную прочность и надежность, воспользовались бы моряки, отправляясь в полную опасностей неизвестность, если бы такое путешествие действительно состоялось. Но даже при полном и бесспорном успехе эксперимента Тура Хейердала, который сумел продемонстрировать техническую возможность переплыть на «бумажном кораблике» Атлантический океан, это еще не означает, что она претворялась в действительность. Пока не будут найдены бесспорные свидетельства торговых и культурных связей между странами Восточного полушария и Америкой (археологический материал, надписи, данные нарративной традиции), пока не будет показано, что речь идет не о людях, заброшенных в Америку какой-то катастрофой и без вести пропавших для своей родины, а о систематических контактах, до тех пор историк будет вправе говорить о том, что блестящие и увлекательные гипотезы, как бы блестящи и увлекательны они ни были, пока не подтверждаются. Non liquet — таков единственный возможный приговор.

Именно поэтому снова привлекла к себе внимание так называемая «надпись из Параибы», анализу которой посвящена рецензируемая монография Л. Делеката. Как известно, она была «открыта» в 1873 г. в Параибе (ныне Жоао Пессоа в Бразилии) на усадьбе некоего Пессоа, а затем «предварительно» опубликована в 1874 г. директором Национального музея в Рио де Жанейро Л. Нетто. Публиковалась, кстати сказать, только копия, «срисованная» будто бы с оригинала; ни эстампажей, ни фотографии надписи, ни тем более самого камня никто никогда не видел. По этой причине, если К. Шлоттман еще колебался в вопросе о подлинности «надписи»<sup>1</sup>, то М. Лидзбарский, обнаружив в тексте ряд явных ошибок и несоответствий тому, что было известно о финикийском языке к моменту открытия «надписи», пришел к выводу, что она фальсифицирована<sup>2</sup>. С тех пор приговор одного из основателей современной северосемитской эпиграфики не пересматривался.

<sup>1</sup> K. Schlottmann, Die sogenannte Inschrift von Parahyba, ZDMG, 28, 1874, стр. 481—487.

<sup>2</sup> M. Lidzbarski, Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, I, Weimar, 1898, стр. 32.

В 1968 г. к надписи из Паранбы обратился известный американский семитолог С. Х. Гордон, внесший, как известно, огромный вклад в развитие современного угаритоведения. Свой анализ он основывает на копии «надписи», которая ранее была утрачена, сделанной рукой самого Л. Нетто и найденной в 1967 г. профессором Массачусетского университета Ж. Пиккусом; С. Х. Гордон приходит к выводу, что «надпись» — подлинная<sup>3</sup>. Л. Делекат принял точку зрения С. Х. Гордона и с некоторыми поправками и уточнениями его интерпретацию надписи; на этой основе Л. Делекат пытается определить, что собою представляла экспедиция финикийян, о которой идет речь в «надписи», и интерпретировать текст исторически. Очевидно, решение вопроса о том, насколько построения Л. Делеката соответствуют действительности, зависит от ответа на другой вопрос: доказана ли подлинность надписи из Паранбы. К нему мы и переходим.

С. Х. Гордон публикует следующий текст надписи: *nhn' bn kn'n mšdn mhqrt hmlk shr hšlk n' l' y z rḥqt rš hrm wnšt bhr l'lywnm w'lywnt bšnt tš't w'srt lhrm mlkn' br wnhlk m'swn gbr bym sp wnnš' m'nyt 'šrt wnhyh bym yḥdw štm šnm sbb l'rs lhm wnbdl myd b'l w'l nḥ t' hbrn' wnb' hlm šnm 'sr 'mtm wšlšt nšm b'y ḥdt 'š' nky mt 'šrt brh blt y' l'lywnm w'lywnt yhn'*

Перевод С. Х. Гордона: «We are Sons of Canaan from Sidon, the city of the king. Commerce has cast us on this distant shore, a land of mountains. We set (= sacrificed) a youth for the exalted gods and goddesses in the nineteenth year of Hiram, our mighty king. We embarked from Ezion-Geber into the Red Sea and voyaged with ten ships. We were at sea together for two years around the land belonging to Ham (= Africa) but were separated by a storm (lit., "from the hand of Baal") and we were no longer with our companions. So we have come here, twelve men and three women, on a... shore which I, The Admiral, control. But auspiciously may the exalted gods and goddesses favor us».

В подтверждение своего тезиса С. Х. Гордон указывает, что: 1) почерк текста сидонский, близкий к знаменитой надписи Эшмуназара (V в. до н. э.), 2) некоторые языковые явления, казавшиеся ранее невозможными, теперь, по его мнению, подтверждаются. К их числу относятся следующие: сопряженное состояние с артиклем при *pomen regens* (*hqrt hmlk* «город царя»; ср. в надписи из Каратене KAI, 26: *hbrk b'l* «благословенный Ваалом»), окончание *-t* в обеих частях составного числительного *tš't w'srt* «девятнадцать» (ср. угарит. *arb't 'šrt* «четырнадцать», *ḥmšt 'šrt* «пятнадцать» и т. д.); написание *'sr* «десять» через *samex*; слово *mt* в значении «человек». Слово *brh* связано с корнем *brh*, которому С. Х. Гордон придает значение «контролировать, царствовать, владеть». Известную формулу в надписи Ахирема *wnšt tbrh 'l gbl* (по переводу И. Н. Винникова: «и мир покинет Библ»<sup>4</sup>) он предлагает интерпретировать: «but may peace reign over Byblos». Слово *blt*, вводящее новое предложение, известно только по надписи Табита (KAI, 13), открытой лишь в 1887 г., а слово *y'* в значении «добрый, хороший» — только по одному тексту, найденному в 1874 г., т. е. оба эти слова не могли быть известны фальсификатору. «Отрицать аутентичность текста из Паранбы — значит приписывать фальсификатору пророческое вдохновение», — замечает С. Х. Гордон.

Собственный вклад Л. Делеката в интерпретацию «надписи» сводится к следующему. В 1 стк. вместо *mšdn mhqrt hmlk* он читает *mšdnm hqrt hmlk*, во 2 стк. вместо *wnšt bhr* (два слова) — *wnšt bhr* (одно слово), в 5 стк. вместо *wnbdl* — *wlbdl*. Знаки *wl' nḥ* (так у С. Х. Гордона) он читает как одно слово *wl'nḥ*, а вместо *t' hbrn'* — *t' hbrn'* (так же как одно слово), в 7 стк. вместо *ḥdt* — *hrt*, вместо *nky* — *n ky*. В конце 7-начале 8 строк он читает *br ḥb lty'*.

Его перевод: «Wir sind Söhne Kanaans aus der Stadt Sidon. Das Königtum ist ein handeltreibendes. Wir sind an diese ferne Küste, ein bergiges Land, verschlagen worden und wollen (haben) uns von dem Höchsten und der Höchsten prüfen (annehmen) lassen. Im Jahre 19 unseres Königs Hiram. Wirklich! Damals haben wir den Weg von Eziongeber aus durch Rote Meer, dann brachen wir mit zehn Schiffen schon auf und sind nun auf See zusammen (schon volle) zwei Jahre — die wir doch die Erde, Heisses und von den Händen Baals Getrenntes, umfahren und uns für wohin auch immer verbündet haben! — und sind so hierher gekommen, zwölf Männer und drei Frauen: weil an einer (der) anderen Küste, die irgendwo ist, zehn gestorben sind. Wirklich! Sie haben sich an Ty versündigt. Mögen uns der Höchste und die Höchste gnädig sein!».

Как видим, Л. Делекат предлагает интерпретацию текста, в ряде пунктов отличающуюся от понимания С. Х. Гордона. В своем филологическом комментарии он следующим образом объясняет некоторые особенности реконструируемого текста. Форму *nhn'* «мы» он сопоставляет с арамейским *nḥn'* и полагает, что сидонское окончание могло быть консонантным. Форму *šdnm* он связывает с легендой на эллинистических монетах, где город Сидон обозначается этим словом. Вполне обоснованно прибегая

<sup>3</sup> С. Н. Gordon, The authenticity of the Phoenician Text from Parahyba, Or, 37, 1968, стр. 75—80.

<sup>4</sup> И. Н. Винников, Надпись Ахирема Библиского в новом освещении, ВДИ, 1952, № 4, стр. 142.